

– Вы ведь тоже чуть пугч не учудили? Продвинутый парень накануне парламентских выборов 1999 года ударился в политику...

– Ударился-то я раньше, но, к сожалению, по этой части так и остался в двоичниках. Когда в 1999-м Игорь Павлович Григорьев создавал движение «Поколение свободы», он подошел к этому делу очень серьезно: сидел, писал программы, сочинял идеологию. Но в глазах опытных людей он выглядел сосунком и малышом. Все, что нужно было перед выборами, – это сделать пару пируэтов: пообедать с одним, поужинать с другим, с третьим на охоту съездить... А я строил из себя Павку Корчагина и Че Гевару в одном лице. Поэтому и вышел из политики. Но напоследок я подложил та-

кретнее, это был Стокгольм, то сразу сообразил, что я – парень русский, если не сказать совок. Я рос в советское время и перестройку со сменой ментальности и грядущей демократией встретил уже в качестве студента 2–3 курса МГИМО. Хрящи к тому времени стали костями. И после недели шведской жизни я захотел домой – к маме и березкам.

– То есть березки подпитывают? Разумеется, не соком...

– Уже не подпитывают – мне давно нигде не интересно. Все банально и не имеет смысла. Попробуйте, докопайтесь до сути событий, и вы придете к выводу, что вокруг – чужь собачья! Проведите самый элементарный опрос: когда вы в последний раз просыпались и радовались утром? Не скажут! Люди забыли, когда это было. А на самом деле все просто: утро встало, день начался, и счастье – это когда из дому на работу выходишь с кайфом и когда возвращаешься с кайфом.

МАЛЕНЬКИЙ

Алексей
МИХЕЕНКОВ

СЕКРЕТ СЧАСТЬЯ

«А что это такое?» – вопрошает Игорь Григорьев, заглядывая в телящик, на экране которого среди бела дня висит синее табло с часами. Бывший главный редактор журнала «Ом», предводитель модной молодежи, только что зашедший в свой кабинет в телецентре, похоже, всерьез испуган. «Что это такое?» – еще раз спрашивает он. «Московское время – «Останкино» вещает». «А-а... А я-то подумал, что пугч: телевидение блокировано, сейчас начнется балет, в здание въедет танк, и пушка разобьет стекло...». Разговор с наглым и злым циником, как Григорьева называют «друзья», начался легко и непринужденно. Продолжать в ином духе не имело смысла. Мы говорили о недавних и давнишних проектах Игоря, новых затеях и старых как мир идеях.

Леван Мичурин

ки бомбу замедленного действия: люди из «Поколения свободы» сейчас в Думе, члены влиятельной фракции, а копните поглубже – узнаете о них много интересного.

– Телепроект, в который вы ввязались, тоже вариант бомбы замедленного действия? Или здесь есть и созидательное начало?

– Программа «Лихорадка субботним вечером» – еще младенец, но растет дитя в боевых условиях. Одно срывается, другое срывается – какое здесь может быть созидательное начало? При всем при этом телевидение не является объектом моих эротических фантазий, моя тайная страсть – большой кинематограф, к которому я потихоньку подступаю. Но если говорить серьезно, ТВ – это хорошая и большая трибуна. Если Господь дал тебе мозги, талант быть хорошим наблюдателем и возможность делиться мироощущением с миллионами людей, почему бы не использовать этот шанс?

– Но миллионы людей – это одно, а тот модно-музыкальный язык, на котором говорите вы, – другое.

– Как раз на телевидении мне приходится говорить совсем другим языком – это не язык журнала «Ом». «Ом» я делал для продвинутой аудитории, а сейчас приходится выражаться попроще. Если же говорить о тематике программ, то здесь пахнет не только модой и музыкой. Положим, сегодня в программе сидит Ирина Понаровская – вся в перьях и драгоценностях, а в следующую субботу в «Лихорадке» могут быть бомжи.

– Бомжи? Вам интересны бомжи?

– У меня под окнами, на Арбате, возле бачков мусорных тусуются натуральные бомжи. Это бесконечно интересные люди. Они забыли на весь мир и вяртаются в собственном соку, как животные. Единственная проблема с бомжами – протащить их сквозь проходную «Останкино». Они пугаются милиции и, не дай Бог, разбегутся по телецентру – потом придется долго отлавливать, бутылкок-то здесь много.

– После бомжей тема свободы может показаться странной. И все же: «Ом» любили за надмирность, внезапность, а сами-то вы космополит или патриот?

– Я всегда думал о своей космополитичности, пока не стал выезжать за рубеж. Когда я в первый раз очутился «там», кон-

– Ходят также слухи, что Игоря Григорьева кроме работы привлекает еще и Тибет?

– Я готов бросить все, чтобы очутиться в Тибете, но пока не могу. Приеду и буду искать Шамбалу, хотя, черт знает, говорят, сейчас там с этим тяжело, духовный кризис. Если не экзальтируешь себя, то и Шамбала побоку пройдет. Но только не мимо меня! Там, ночью, в какой-нибудь тихой обители усеться на крышу и уйти в небо... Ты и небо, небо и ты. Я знаю многих, что приезжали оттуда совсем другими людьми, но это, поверьте, труд.

– Что у вас с распорядком дня? Игорь Григорьев по-прежнему тусует до утра, просыпается за полдень, а потом все по новой?

– Нет, я живу другими интересами. Клубы, алкоголь, наркотики, неразборчивые связи – все это надоело в один момент. Сейчас у меня имидж человека с пластмассовой бутылкой минеральной воды. Без газа! Я открыто принял идеологию поколения «дзэн» – продолжаю оставаться модным (при этих словах Григорьев мгновенно, но придиричиво осматривает себя с головы до ног), хожу в тренажерный зал, могу протанцевать до утра в клубе. В общем, исключительно здоровый образ жизни.

– И ради чего такие муки?

– Исключительно ради себя, любимого. Когда-то мы ужинали с Аллой Борисовной Пугачевой. Разговаривали о жизни, наркотиках, нирване, бла-бла-бла. И Алла Борисовна сказала странную вещь: «Все, что вы говорите, Игорь, глупости. Не нужно никаких этих «забыться», «пыхнуть», «нюхнуть»... И без этого можно жить». Только сейчас я понимаю, о чем она говорила. Решить нужно всего одну проблему: когда с утра прозвонит будильник, первой мыслью должно быть не желание его выключить и послать всех подальше. Нет, нужно открыть глаза и подумать: «Боже, какое счастье, что наступил этот день, какое счастье, что я живу!» Тогда все встанет на свои места и ты будешь рад даже любой неприятности. Потому что это опыт, это нормально. Что уж говорить о радостях жизни!